

Francis Scott
FITZGERALD
1896 — 1940

Фрэнсис Скотт
ФИЦДЖЕРАЛЬД

*Больше
чем просто дом*

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
Ф 66

Перевод с английского
Александры Глебовской, Василия Дорогокупли,
Елены Калявиной, Елены Петровой

Серийное оформление и оформление обложки
Вадима Пожидаева

Фицджеральд Ф. С.

Ф 66 Больше чем просто дом : рассказы / Фрэнсис Скотт Фицджеральд ; пер. с англ. А. Глебовской, В. Дорогокупли, Е. Калявиной, Е. Петровой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 480 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-09473-4

Фрэнсис Скотт Фицджеральд, возвестивший миру о начале нового века — «века джаза», стоит особняком в современной американской классике. Хемингуэй писал о нем: «Его талант был таким естественным, как узор из пыльцы на крыльях бабочки». Его романы «Великий Гэтсби» и «Ночь нежна» повлияли на формирование новой мировой литературной традиции XX столетия. Однако Фицджеральд также известен как автор блестящих рассказов, из которых на русский язык переводилась лишь небольшая часть (наиболее классические из них представлены в сборнике «Загадочная история Бенджамина Батона»).

Книга «Больше чем просто дом» — уже пятая из нескольких запланированных к изданию, после сборников «Новые мелодии печальных оркестров», «Издержки хорошего воспитания», «Успешное покорение мира» и «Три часа между рейсами», — призвана исправить это досадное упущение.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

© А. Глебовская, перевод, 2013
© В. Дорогокупли, перевод, 2013
© Е. Калявина, перевод, 2013
© Е. Петрова, перевод, 2013
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-09473-4

I

Поразительно не то, что люди проявляют себя в жизни лучше или хуже, чем мы предсказывали; этому удивляться не приходится, особенно в Америке. Поразительно другое: как они удерживаются на определенной высоте, реализуют свои возможности, даже пользуются, насколько можно судить, благосклонностью неумолимой судьбы.

Могу себе польстить: научившись в восемнадцать лет отличать подлинные достоинства от наигранных, я ни разу не обманулся на чужой счет, и во многих банальных притворщиках из моего прошлого мне до последнего видится беззастенчивое и успешное притворство.

Эмили Каслтон родилась в Гаррисберге², в доме средних размеров; в шестнадцатилетнем возрасте переехала в Нью-Йорк, в дом солидных размеров, училась в школе Брайарли³, переехала в дом необъятных размеров, потом перебралась в особняк на территории Таксидо-Парка⁴, потом за границу, где предавалась всяческому модным развлечениям и не сходила с газетных полос. Едва начав по-

¹ Рассказ опубликован в журнале «The Saturday Evening Post» в июле 1929 г. — *Здесь и далее примеч. перев.*

² *Гаррисберг* (тж. Харрисбург, Харрисберг) — столица штата Пенсильвания.

³ *Брайарли* — аллюзия к названию Бриэрли, дорогой частной школы для девочек в Нью-Йорке.

⁴ *Таксидо-Парк* — фешенебельный район Нью-Йорка, первоначально — род клубного поселка, построенный в 1886 г. Считается, что его жители первыми стали носить смокинг (англ. «tuxedo»).

являться в обществе, она вместе с одиннадцатью другими светскими и полусветскими знаменитостями попала в список идеальных американских типов, составленный известным французским художником, закосневшим, как и многие другие, в своей оценке американских красавиц. В ту пору с ним согласилось множество мужчин.

Чуть выше среднего роста, с точеными, довольно крупными чертами лица, с такой бездонной синею глаз, какую невозможно не заметить даже при беглом взгляде, с роскошной копной густых светлых волос, она была яркой и неотразимой. Ее родители слабо ориентировались в том новом мире, где сами стояли у руля, а потому Эмили волей-неволей училась всему на собственном опыте, попадала в разные передряги, и флер юности слегка поблек. Впрочем, этого флера было у нее с лихвой. Она прошла через помолвки и полупомолвки, через недолгие страстные увлечения, а в двадцать два года пережила бурный роман, который ожесточил ее и погнал искать счастья на других континентах. Подобно большинству обеспеченных незамужних девушек ее возраста, она примкнула к «богеме», потому что у богемных личностей, как представляется со стороны, есть некая тайна, внутреннее прибежище, спасение от повседневности. Однако почти все ее подружки уже повыходили замуж, а отец был просто убит образом жизни дочери; поэтому в двадцать четыре года, умом, но не сердцем стремясь под венец, Эмили вернулась домой.

Ее светская карьера приближалась, как понимала Эмили, к нулевой отметке. Жизнь не ладилась. По-прежнему очаровательная, не знающая денежных затруднений и даже в некотором роде знаменитая, она оставалась в числе самых популярных, самых красивых девушек своего поколения, но ее поколение уходило в новые дали. Заметив первые снисходительные нотки в голосе бывшей одноклассницы, а ныне молодой «матери семейства», она уехала в Ньюпорт, где ее завоевал Уильям Бреворт Блэр. Она тут же вновь сделалась несравненной Эмили Каслтон. На страницах газет замаячил призрак известного французско-

го художника. С наступлением октября праздные слои общества только и обсуждали, что дату ее бракосочетания.

Подготовка пышных свадебных торжеств... Гарольд Каслтон устанавливает ряд шатров по образцу соединяющихся шипито, стоимостью в пять тысяч долларов каждый, для организации приема, свадебного ужина и бала... Около тысячи приглашенных, в том числе видные представители делового мира и высшего света... Стоимость свадебных подарков оценивается в четверть миллиона долларов...

За час до венчания, назначенного в церкви Святого Варфоломея, Эмили сидела за туалетным столиком, разглядывая в зеркале свое лицо. Сейчас лицо это ей немного прискучило, да к тому же она поймала себя на удручающей мысли о том, что на протяжении грядущих пятидесяти лет оно будет все более настойчиво требовать ухода.

— Мне положено быть счастливой, — сказала она вслух, — но в голову лезут одни грустные мысли.

Ее двоюродная сестра Олив Мэрсси, пристроившаяся на краешке кровати, закивала:

— Невесты всегда грустят.

— Все коту под хвост, — выговорила Эмили.

Олив сердито нахмурилась:

— Как это «коту под хвост»? Чтобы выполнить свое предназначение, женщина должна выйти замуж и произвести на свет детей.

Некоторое время Эмили молчала. Потом медленно произнесла:

— Детей — это понятно, только от кого?

Впервые в жизни Олив, боготворившая Эмили, вспыхнула почти что ненавистью. Ни одна из приглашенных на свадьбу девушек, включая саму Олив, не отказалась бы выйти за Бреворта Блэра.

— Тебе повезло, — сказала она. — Тебе так повезло, что ты даже сама не понимаешь. Да за такие слова тебе бы стоило задать хорошую трепку.

— Обещаю его полюбить, — шуточно провозгласила Эмили. — Любовь придет после свадьбы. Завидная перспектива, верно?

— Зачем же гнать от себя романтику?

— Напротив, романтичнее меня никого не сыскать. Знаешь ли ты, что мне приходит в голову, когда он меня обнимает? Мне приходит в голову: сейчас я подниму взгляд и встречу глазами с Гарлендом Кейном.

— Зачем же тогда...

— А на днях, при посадке в его самолет, я вспоминала только капитана Марчбенкса и его маленький двухместный аэроплан, на котором мы летели над Ла-Маншем, терзались от сердечных мук, но вынуждены были молчать, потому что у него есть жена. Я не жалею об этих мужчинах; я жалею лишь о том, что растратила на них часть себя. Бреворту я смогу предложить только шелуху в розовой мусорной корзиночке. Должно же было остаться кое-что еще; даже в пору самых сильных увлечений мне казалось, что я сберегаю нечто для своего единственного. Но видимо, я ошибалась. — Эмили осеклась, а потом добавила: — Впрочем, как знать.

Для Олив положение дел было ясным и от этого особенно вопиющим, но она, оставаясь бедной родственницей, держала язык за зубами. Восемь лет мужского внимания предельно избаловали Эмили, внушив ей, что достойной партии для нее не существует, и она восприняла это убеждение как фактически непреложную истину.

— Это просто волнение. — Олив, как могла, скрывала свою досаду. — Может, приляжешь на часок?

— Да, — рассеянно ответила Эмили.

Олив спустилась вниз. В коридоре первого этажа на нее налетел Бреворт Блэр, полностью готовый к свадебной церемонии, даже с белой гвоздикой в петлице; он заметно нервничал.

— Ох, извини, — вырвалось у него. — Хотел поговорить с Эмили. Насчет колец... на каком остановиться? Я купил четыре штуки, но она все колеблется — не могу же я в церкви протянуть ей все четыре на выбор.

— Я случайно узнала: она хочет гладкое платиновое колечко. Но если тебе нужно с ней повидаться, то...

— Нет-нет, большое спасибо. Не буду ее беспокоить.

Они стояли совсем близко, и когда Бреворт, приняв окончательное решение, собрался уходить, Олив невольно подумала, насколько же они с ним похожи.

Волосы, цвет лица, приметы внешности — ни дать ни взять брат и сестра, да и характер одинаков: та же застенчивая серьезность, та же бесхитростная прямолинейность. Все это мигом пронеслось у нее в уме и сменилось другой мыслью — о том, что светловолосая неугомонная Эмили, с ее темпераментом и размахом, все же лучше подходит ему во всех отношениях; а вслед за тем, в обход этих размышлений, на нее нахлынула неизбывная волна нежности, чисто физического сочувствия и желания, отчего ей стало казаться, что, сделай она полшага вперед — и он раскроет для нее свои объятия.

Но вместо этого она шагнула назад, отпуская его, как будто сперва удерживала одними кончиками пальцев, а теперь отдернула руку. Вероятно, в его сознание проникли какие-то вибрации ее чувств, потому что он неожиданно сказал:

— Мы ведь останемся добрыми друзьями, правда? Не думай, пожалуйста, будто я забираю у тебя Эмили. Я знаю, что не способен сделать ее своей собственностью — на такое никто не способен, — да и не стремлюсь к этому.

Он еще не договорил, а она уже молча с ним распрощалась — с единственным мужчиной, которого желала в своей жизни.

Ей была дорога та рассеянная неуверенность, с которой он искал пальто и шляпу, а затем нащупывал дверную ручку не с того края.

После его ухода она вернулась в роскошную парадную гостиную, расписанную вакхическими сценами, украшенную массивными люстрами и портретами восемнадцатого века, которые по неведению можно было принять за изображения предков Эмили, отчего они еще более явственно принадлежали ей одной. Там Олив и присела отдохнуть — как всегда, в тени Эмили.

В дверях, ведущих к бесценному пятачку зелени, который закрыли выросшие на Шестидесятой улице шатры,

появился ее дядюшка, мистер Гарольд Каслтон. Он только что закончил дегустацию собственного шампанского.

— Олив мила и светла! — с чувством воскликнул он. — Олив, крошка, она образумилась. В глубине души она всегда была хорошей, и я это знал. У хороших все складывается — порода есть порода, ты согласна? Я уж стал было думать, что мы с Господом Богом слишком много ей дали, что она так и не уймется, но теперь она спустилась на землю, как того требует... — он подбирал метафору, но безуспешно, — порода, и вскоре убедится, что здесь не так уж плохо. — Он подошел ближе. — Да ты плакала, малышка Олив.

— Чуть-чуть.

— Ну ничего, — великодушно изрек он. — Я бы и сам прослезился, не будь я так счастлив.

Позднее, когда она вместе с двумя другими подружками невесты ехала в церковь, рокот автомобиля словно задавал торжественный ритм грандиозной свадьбы. У входа в церковь этот ритм подхватили регистры органа, а виолончели с басовыми виолами танцевального оркестра уже готовились сохранить сей трепет, чтобы он под конец растворился в урчании другого автомобиля, нанятого для отъезда новобрачных.

Церковь была окружена плотной толпой, распространившей на десять футов вокруг себя сплошную волну духов и едва уловимой человеческой свежести, а также текстильный запах нарядов — неношенных, с иголки. За скоплением шляпок было видно, что в первых рядах, по обе стороны от прохода, сидят родные жениха и невесты. Блэров — их фамильное сходство скреплялось выражением некоторого высокомерия, свойственного как кровным Блэрам, так породнившимся с ними, — представляли оба Гардинера Блэра, старший и младший, с супругами; леди Мэри Боуз-Говард, урожденная Блэр; миссис Поттер-Блэр; госпожа княгиня Потовски-Парр-Блэр, урожденная Инчбит; мисс Глория Блэр, юный Гардинер Блэр III, а также родственные ветви, богатые и бедные: Смайзы, Биклы, Диффендорферы и Хэмны. Сидевшие через про-

ход от них Каслтоны являли собой менее внушительное зрелище: мистер Гарольд Каслтон, мистер Теодор Каслтон с супругой и детьми, Гарольд Каслтон-младший, а также прибывшие из Гаррисберга мистер Карл Мэрс и две престарелые тетушки по фамилии О'Киф, жавшиеся в уголке. К своему немалому изумлению, тетушки с утра пораньше были усажены в лимузин и отправлены к модному кутюрье, который одел их с головы до ног.

В ризнице, где к приезду Эмили торопливо подкрашивались губы и закреплялись булавки, пташками трепетали гости невесты в больших шляпах с мягкими полями. Девушки эти знаменовали собой разные этапы жизни Эмили: одна была ее одноклассницей в Брайарли, другая вместе с Эмили начала выезжать в свет (и — последняя из той компании — еще не вышла замуж), третья путешествовала с ней по Европе, а у четвертой она гостила в Нью-порте, где и познакомилась с Бревортом Блэром.

— Уэйкмана залучили, — определила эта девушка, стоя у дверей и прислушиваясь к звукам музыки. — Он играл на свадьбе у моей сестры, но у меня Уэйкман никогда играть не будет.

— Отчего же?

— Да он без конца бренчит одну и ту же вещь: «На рассвете»¹. Вот и сейчас уже в который раз ее завел.

В этот миг распахнулась другая дверь, и в ризницу нетерпеливо просунулась голова молодого человека.

— Ну что, почти готовы? — призвал он к ответу ближайшую из девушек. — У Бреворта уже начинается тихое помешательство. Стоит и воротнички комкает, один за другим...

— Успокойся, — ответила ему юная леди. — Невеста всегда на пару минут опаздывает.

— На пару минут! — возмущился молодой человек. — Ничего себе «на пару минут». Публика уже ерзает и шуршит, как в цирке, а органист полчаса наяривает одну и ту

¹ «At Dawning» — популярная мелодия композитора Фрица Крайслера, записанная в 1926 г.

же мелодию. Сейчас скажу ему — пусть для разнообразия джаз сыграет, что ли.

— А который час? — забеспокоилась Олив.

— Без четверти пять... нет, без десяти.

— Возможно, на дорогах пробки. — Олив умолкла, потому что по ризнице проталкивался к телефону мистер Гарольд Каслтон, за которым поспешал обеспокоенный викарий.

И тут по церкви потек вспять удивительный людской ручеек — сначала по одному человеку, потом по двое, и вскоре в ризнице уже стало тесно от родни и общей сумятицы.

— В чем же дело?

— Что стряслось?

Сам не свой, с докладом прибыл шофер. Гарольд Каслтон чертыхнулся, вспыхнул и начал грубо пробиваться к выходу. Кто-то попросил освободить ризницу, а потом, будто в противовес ручейку, по церкви от выхода к алтарю потек гул голосов, нарастая, делаясь все громче и взволнованней, поднимая людей с мест и переходя в приглушенный рев. От алтаря донеслось объявление насчет отмены венчания, но его, похоже, никто не услышал: все и без того поняли, что стали свидетелями громкого скандала, что Бреворт Блэр напрасно ждет у алтаря, а Эмили Каслтон сбежала из-под венца.

II

На Шестидесятой улице толпилось с десятков репортеров, но погруженная в свои мысли Олив, подъехав к дому, не разбирала их вопросов; ей отчаянно хотелось одного — пойти и утешить некоего человека, но она не имела права к нему приближаться, а потому в качестве замены разыскала своего дядю Гарольда. Вошла она через анфиладу шатров, стоимостью в пять тысяч долларов каждый, где, ожидая развития событий, буфетчики и официанты замерли в уважительном траурном полумраке возле под-

носов с икрой, индюшачьими грудками и пирамидой свадебного торта. Олив нашла своего дядю наверху: он сидел на пуфе перед туалетным столиком Эмили. Разбросанные перед ним косметические принадлежности — наглядные свидетельства женской подготовки — делали его крайне неуместное присутствие символом безумной катастрофы.

— А, это ты. — Голос его звучал безжизненно; за два часа он состарился.

Олив обвила рукой его согбенные плечи:

— Мне так горько, дядя Гарольд.

Он вдруг изверг поток брани; из одного глаза медленно выкатилась крупная слеза.

— Пусть приедет мой массажист, — выговорил он. — Скажи Макгрегору, чтобы вызвал.

Словно заплаканный ребенок, он сделал судорожный вдох, и Олив заметила у него на руках слой пудры, как будто дядя Гарольд, разморенный своим благородным шампанским, рыдал, облокотившись на туалетный столик.

— Телеграмму принесли, — забормотал он. — Где-то здесь лежит. — И с расстановкой добавил: — Отныне моя дочь — это ты.

— Что вы, разве можно так говорить!

Развернув телеграмму, она прочла:

НЕ МОГУ СООТВЕТСТВОВАТЬ ЛЮБОМ СЛУЧАЕ
ОСТАНУСЬ ДУРОЙ НО ТАК БЫСТРЕЙ ЗАЖИВЕТ
ЧЕРТОВСКИ СОЧУВСТВУЮ ЭМИЛИ.

Распорядившись насчет вызова массажиста и поставив камердинера охранять дядюшкину дверь, Олив прошла в библиотеку, где сбитый с толку секретарь пытался уклониться от прямых ответов на любопытные и настойчивые телефонные звонки.

— Я в таком расстройстве, мисс Мэрс! — воскликнул он дрожащим от отчаяния голосом. — Поверьте, голова раскалывается. Мне уже полчаса мерещится снизу танцевальная музыка.

Тут и Олив показалось, что она сама тоже на грани помешательства — сквозь шум уличного движения до нее отчетливо и ясно доносилась мелодия:

...Мне до нее
Как до луны,
Совсем другие
Ей нужны...
Кого она...

Стремительно сбежав по лестнице, Олив промчалась через гостиную; мотив все настойчивее звучал у нее в ушах. У входа в первый шатер она остановилась как вкопанная.

Под звуки небольшого, но, вне сомнения, профессионального оркестра по затянутому парусиной полу скользило с десятков молодых пар. В углу возле барной стойки топтались юноши, оставшиеся без девушек, а шестеро буфетчиков едва успевали смешивать коктейли и откупоривать шампанское.

— Гарольд! — требовательно выкрикнула она в сторону танцующих. — Гарольд!

К ней, доверив свою партнершу другому, направился рослый восемнадцатилетний парень.

— Привет, Олив. Как там отец?

— Гарольд, ради всего святого, что здесь...

— Эмили — чокнутая, — примирительно сказал он. — Я всегда тебе говорил: у Эмили не все дома. Мозги набекрень. Это не новость.

— Но что здесь происходит?

— Здесь? — Он с невинным видом огляделся. — Да ничего особенного: эти ребята приехали вместе со мной из Кембриджа.

— Но... танцы!

— А разве кто-то умер? Не пропадать же этому...

— Скажи, чтобы расходились, — потребовала Олив.

— С какой стати? Кому они мешают? Ребята не поленились приехать из Кембриджа...

— Это просто недостойно.

— Да они в голову не берут, Олив. У одного парня сестра отмочила такой же номер, только не до, а после. В наши дни это не редкость.

— И музыкантов отпусти, Гарольд, — твердо сказала Олив, — или я пойду к твоему отцу.

По всей видимости, он решил, что какая-то мелочь на фоне организованных с таким размахом торжеств не способна повредить семейной репутации, но ему пришлось подчиниться. Дворецкий в глубочайшем смущении распорядился убрать шампанское, и молодые люди недовольно, нога за ногу, стали перемещаться под более гостеприимный шатер темноты. Оставшись наедине с тенью — с витавшей над домом тенью Эмили, — Олив присела в гостиной и задумалась. На пороге тут же возник дворецкий:

— Мисс Олив, прибыл мистер Блэр.

Сжавшись, как пружина, она вскочила:

— К кому?

— Он не сказал. Прибыл — и все тут.

— Передайте ему, что я здесь.

Вошел он скорее с рассеянным, нежели подавленным видом, кивнул Олив и опустился на стул у рояля. Ей хотелось сказать: «Иди ко мне. Положи голову вот сюда, бедненький. Не горюй». Но ее душили слезы, и она промолчала.

— Через три часа, — спокойно заметил он, — можно будет купить утренние газеты. В киоске на Пятьдесят девятой.

— Это неразумно... — начала она.

— Я не какой-нибудь бесчувственный чурбан, — перебил он, — но сейчас меня больше всего занимают утренние газеты. Потом вежливой чередой потянутся молчаливые родственники, друзья и деловые партнеры. Само происшествие, как ни странно, меня ничуть не волнует.

— Я бы тоже по этому поводу не расстраивалась.

— Даже хорошо, что она сделала это вовремя.

— Может быть, тебе стоит уехать? — От волнения Олив подалась вперед. — Отправляйся в Европу; шумиха скоро утихнет.

— Утихнет. — Он посмеялся. — Такие вещи не утихают. За мной до гробовой доски будет тянуться насмешливый шепоток. — Бреворт застонал. — Дядя Гамильтон направился напрямик в сторону Парк-роу¹, чтобы обойти редакции газет. Вот что значит виргинец: он неосторожно бросил в присутствии кого-то из редакторов старомодное словцо «розги». С особым нетерпением ожидаю именно этот номер. — Он замолчал. — Как там мистер Каслтон?

— Он будет благодарен, что ты приезжал о нем справиться.

— Да я, собственно, не за этим. — Бреворт помялся. — Хочу задать тебе один вопрос. Скажи, ты согласишься завтра утром выйти за меня в Гринвиче?

Целую минуту Олив неудержимо летела в пропасть; у нее с губ сорвался невнятный шепот; рот открылся.

— Я знаю, ты хорошо ко мне относишься, — быстро продолжил он. — Вообще говоря, одно время мне даже казалось, что ты в меня чуточку влюблена, уж прости за такую самонадеянность. Как бы то ни было, ты действительно очень похожа на девушку, которая некогда меня любила; может статься, ты... — Покраснев от смущения, он мрачно закончил: — Как бы то ни было, ты мне очень нравишься; если у меня и были какие-то чувства к Эмили, они, можно сказать, улетучились.

В голове у нее стоял такой лязг и трезвон, что она испугалась, как бы этого не услышал Бреворт.

— Ты сделаешь мне огромное одолжение, — продолжил он. — Господи, я понимаю, это безумство, но что может быть безумнее сегодняшних событий? Пойми, если ты станешь моей женой, в газетах появится совершенно другая история: все решат, будто Эмили уехала из-за нас с тобой, и посмеиваться станут не над кем-нибудь, а над ней.

В глазах Олив блеснули слезы негодования.

¹ *Парк-роу* — улица на Манхэттене, где традиционно располагаются редакции основных нью-йоркских газет. В XIX в. получила прозвище Газетный ряд.

— Видимо, нужно делать скидку на твое уязвленное самолюбие, но ты, надеюсь, понимаешь, что такого рода предложение для меня оскорбительно?

У Бреворта вытянулось лицо.

— Извини, — выдавил он через мгновение. — Наверное, я полный идиот, если такое задумал, но для мужчины невыносимо на всю жизнь потерять чувство собственного достоинства по прихоти девушки. Теперь я вижу, что прошу невозможного. Извини.

Встав со стула, Бrevорт подхватил свою тросточку.

Он пошел к дверям, и сердце Олив забилося где-то в горле; ее, вместе с гордостью и щепетильностью, захлестнуло мощной, неодолимой волной самосохранения. Шаги Бреворта уже доносились из коридора.

— Бrevорт! — окликнула она и, вскочив, бросилась следом.

Он обернулся.

— Бrevорт, как называется та газета, где неосторожно высказался твой дядюшка?

— Какое это имеет значение?

— Если позвонить прямо сейчас, они еще успеют переписать репортаж! Я скажу, что мы с тобой этим вечером поженились!

III

В Париже есть определенный круг, представляющий собой не что иное, как разношерстное продолжение американского общества. Входящие в него люди сотнями нитей связаны со своей страной; их развлечения, причуды, взлеты и падения читаются как раскрытая книга друзьями и родными, не покидающими Саутгемптон, Лейк-Форест или Бэк-Бей. По этой причине все адреса Эмили, которая во время своего предыдущего вояжа по Европе перемещалась вместе с континентальными временами года, становились достоянием гласности; но теперь, после несостоявшегося венчания, когда она отплыла из Нью-Йорка,

следы ее потерялись уже через месяц. Изредка она писала отцу; изредка доходили слухи, что ее видели в Каире, в Константинополе, реже — на Ривьере; вот и все.

Как-то раз, год спустя, мистер Каслтон повидался с дочерью в Париже, но, как он потом признался Олив, эта встреча оставила у него лишь чувство неловкости.

— Было в ней нечто такое, — туманно сказал он, — отчего казалось, будто... будто на уме у нее много всякой всячины, до которой мне не дотянуться. Она не дерзила, нет, но держалась натянуто, как автомат... О тебе спрашивала.

При всей надежности тылов — трехмесячный ребенок, великолепная квартира на Парк-авеню — у Олив дрогнуло сердце.

— Что именно она сказала?

— Порадовалась за вас с Бревортом, — ответил он и добавил для себя одного, не сумев скрыть досаду: — Хотя ты сделала лучшую партию в Нью-Йорке, а она пробросалась...

С той поры минул не один год, и как-то раз голос секретаря в телефонной трубке спросил Олив, не смогут ли они с мужем заехать в тот же вечер к мистеру Каслтону. Они застали старика в библиотеке, когда тот взволнованно рассказывал из угла в угол.

— Что ж, этого следовало ожидать, — гневно заявил он. — Люди не стоят на месте; никто не стоит на месте. В этом мире можно либо подняться, либо скатиться вниз. Эмили предпочла скатиться вниз. Сейчас она где-то у самого дна. Доводилось ли вам слышать о человеке, которого мне отрекомендовали... — он сверился с каким-то письмом, — как «распутного бездельника по фамилии Петрокобеско»? Сам он величает себя «принц Габриэль Петрокобеско» из... неизвестно из каких мест. Письмо это прислал мне Холлэм, мой доверенный человек в Европе, и вложил в конверт вырезку из парижской «Матэн». Судя по всему, полиция предложила этому господину покинуть Париж, и в немногочисленной свите, отбывшей вместе с ним, была замечена молодая американка, мисс Каслтон,

«по слухам — дочь миллионера». На вокзал их доставили под конвоем жандармов. — Дрожащими пальцами он передал газетную вырезку и письмо Бреворту Блэру. — Что ты на это скажешь? Как низко пала Эмили!

— Да, не слишком приятно, — нахмурился Бреворт.

— Это конец. Я видел, что ее счета в последнее время переходят границы разумного, но даже помыслить не мог, что она взяла на содержание...

— Не исключено, что это какая-то путаница, — решила Олив. — Быть может, речь идет о другой мисс Каслтон.

— Будь уверена, это наша Эмили. Холлэм проверил. Та самая Эмили, которая побоялась нырнуть в чистую и прозрачную реку жизни, а теперь барахтается в сточной канаве.

Потрясенная, Олив ощутила внезапный привкус донельзя переменчивой судьбы. Ее ждал переезд в шикарный особняк, строящийся в Уэстбери-Хиллз, а Эмили связалась с депортированным авантюристом и попала в скандальную историю.

— Я не вправе обращаться к вам с такой просьбой, — продолжал мистер Каслтон. — И уж тем более не вправе обращаться к Бреворту с просьбой, касающейся Эмили. Но мне уже семьдесят два года, и Фрейзер грозит снять с себя всякую ответственность, отложи я лечение еще на пару недель. Если что — Эмили останется совсем одна. Я прошу вас сдвинуть намеченную поездку в Европу на два месяца, с тем чтобы отправиться в путь прямо сейчас и вернуть ее домой.

— Неужели вы полагаете, что нашего влияния будет достаточно? — спросил Бреворт. — У меня нет причин думать, что она ко мне прислушается.

— Больше мне обратиться не к кому. Если вы откажетесь, ехать придется мне самому.

— Нет-нет, — опомнился Бреворт. — Мы сделаем все, что в наших силах, правда, Олив?

— Конечно.

— Верните ее — любым способом, только верните. Если дойдет до суда, засвидетельствуйте под присягой, что она невиняема.

— Хорошо. Сделаем все возможное.

Не прошло и десяти дней после этой беседы, как Блэры уже встретились с доверенным человеком мистера Каслтона в Париже, чтобы свести воедино имеющиеся подробности. Фактов было много, а толку — чуть. Петрокобеско появлялся в различных ресторанах: толстый, однако не лишенный обаяния коротышка неопределенной национальности, с плотоядным взглядом и неутолимой жадой. Годами вынужденно скитался по всей Европе, жил бог весть как — видимо, за счет американцев, но, по данным Холлэма, в последнее время не был вхож даже в самые отдаленные круги международного светского общества. Об Эмили сведений набралось совсем мало. На прошлой неделе эту пару видели в Берлине, а буквально вчера — в Будапеште. Очевидно, Петрокобеско, как персона нон гра-та, вынужден был повсюду отмечаться в полиции; этим обстоятельством и посоветовал воспользоваться Холлэм.

Через двое суток они в сопровождении американского вице-консула явились на прием к префекту полиции Будапешта. Префект затараторил по-венгерски, обращаясь исключительно к вице-консулу, и тот вкратце передал суть: Блэры опоздали.

— Где же их теперь искать?

— Он не знает. Ему было приказано их выдворить, и вчера вечером они уехали.

Внезапно префект черкнул какую-то записку и с резким замечанием сунул ее вице-консулу.

— Он говорит: наведайтесь вот сюда.

Бреворт заглянул в листок:

— Штурмдорп... это где же?

Очередная быстрая тирада по-венгерски:

— Отсюда пять часов по местной узкоколейке; поезд ходит по вторникам и пятницам. Сегодня суббота.

— В гостинице мы найдем автомобиль, — сказал Бреворт.

Поужинав, они отправились в путь. Поездка по ухабам неподвижной Венгерской равнины, да еще в потемках, оказалась не из приятных. В первый раз Олив пробудилась от тревожной дремоты, когда Бреворт с водителем меняли колесо; потом — когда машина затормозила у мутной речки, за которой светились редкие огни какого-то городка. В машину заглянули двое солдат в незнакомой форме; за мостом начиналась узкая извилистая главная дорога, которая вела к единственной гостинице Штурмдорпа; лишь с первыми петухами Олив и Бреворт свалились на убогие койки.

Наутро к Олив пришла внезапная уверенность, что они близки к цели, но вместе с тем вернулось давнее чувство беспомощности перед лицом своеволия кузины; на нее нахлынуло долгое прошлое, где царила Эмили, и приезд в эти края уже стал казаться почти наглостью. Однако при виде решимости Бреворта она тут же опомнилась и вместе с мужем смело спустилась в холл, где они разыскивали одного из хозяев, который говорил почти как американец — до войны он жил в Чикаго.

— Здесь уже не Венгрия, — объяснил он. — Вы пересекли границу Чешско-Ганзейского княжества. Государство у нас маленькое, всего два города — наш и столица. Американцам виза не нужна.

«Потому-то, наверное, их сюда и занесло», — подумала Олив.

— Очевидно, вы располагаете сведениями об иностранцах? — спросил Бреворт. — Мы разыскиваем одну американку...

И он описал Эмили, ни словом не упомянув ее возможного спутника; хозяин почему-то изменился в лице.

— Ваши паспорта, — потребовал он, а потом: — Вам зачем?

— Эта дама — ее двоюродная сестра.

Хозяин на миг замаялся.

— Думаю, я, вероятно, сумею найти ее для вас, — сказал он.

По его зову явился привратник; ему были даны торопливые указания на непонятном наречии. А потом:

— Идите за ним... этот вас отвести...

Грязными закоулками они добрались до ветхого строения на окраине городка. У входа топтался человек с охотничьим ружьем, который при их появлении приосанился и резко заговорил с провожатым, но после обмена репликами позволил им войти; они поднялись по лестнице и постучались в какую-то дверь. Из-за дверного косяка высунулась голова; провожатый вновь заговорил; их впустили.

Они оказались в большой неопрятной комнате захудалого пансиона, какую можно найти в любом уголке западного мира: выцветшие обои, рваная обивка, бесформенная кровать и — невзирая на пустоту — ощущение захламленности призрачной мебелью прошлого десятилетия, обозначенной кругами пыли и проплешинами. В центре комнаты стоял толстый коротышка с обвисшими веками, любопытным носом и слащавым, капризным ртом; он пристально оглядел вошедших, когда те только переступили порог, а затем с брезгливым «пфуй!» досадливо отвернулся. Тут же находились еще какие-то люди, но Бриворт и Олив не видели никого, кроме Эмили, которая, прикрыв глаза, полулежала на кушетке.

С их приходом глаза ее распахнулись в легком изумлении; она шевельнулась, будто надумала вскочить, но вместо этого лишь протянула руку и четким, вежливым тоном назвала их по именам, не то чтобы приветствуя, а, скорее, возвещая их приход. Заслышав эти имена, коротышка немного смягчился.

Женщины расцеловались.

— Туту! — окликнула Эмили, словно отдавая команду. — Принц Петрокобеско, позвольте представить вам мою кузину, миссис Блэр, и ее супруга, мистера Блэра.

— *Plaisir*, — отозвался Петрокобеско. Быстро переглянувшись с Эмили, он предложил: — Не желаете ли присесть?

И тут же плюхнулся в единственное свободное кресло, как будто они играли в «музыкальные стулья».

— *Plaisir*, — повторил он.

Олив примостилась в ногах у Эмили, а Бреворт придвинул стоявший у стены табурет, успев разглядеть остальных присутствующих. Среди них выделялись крайне свирепого вида юноша в просторной накидке, который, сложив руки на груди и сверкая зубами, замер у дверей, а также двое заросших оборванцев, сидевших бок о бок в углу: один поигрывал револьвером, другой уныло свесил голову на грудь.

— Вы давно сюда прийти? — поинтересовался принц.

— Только что приехали — сегодня утром.

Олив невольно сравнила этих двоих: высокую, эффектную американку и замухрышку-европейца южных кровей, которого вряд ли пустили бы дальше острова Эллис¹. Потом она задержала взгляд на Эмили: все те же роскошные густые волосы с отблесками солнечного света, те же глаза, не утратившие яркой морской синевы. Лицо слегка осунулось, вокруг губ появились едва заметные морщинки, но это была прежняя Эмили — властная, блистательная, грандиозная. Можно было только сожалеть, что эту красоту и неповторимость загнали в убогий пансион на краю света.

Юноша в накидке открыл дверь на чей-то стук и принял записку для Петрокобеско; тот прочел, воскликнул «пфуй!» и передал ее Эмили.

— Кареты, видите ли, не нашлось, — с надрывом провозгласил он по-французски. — Все кареты уничтожены, осталась одна, да и та в музее. Ладно, поеду верхом.

— Нет, — отрезала Эмили.

— Да, да, да! — вскричал он. — Кому какое дело, как я поеду?

— К чему такие сцены, Туту?

¹ Остров Эллис, расположенный в устье реки Гудзон в бухте Нью-Йорка, был самым крупным пунктом приема иммигрантов в США, действовавшим с 1 января 1892 г. по 12 ноября 1954 г.

— Сцены! — взорвался он. — Сцены!

Эмили повернулась к Олив:

— Вы приехали на автомобиле?

— Да.

— На большом, престижном? С задней дверью?

— Да.

— Вот видишь, — сказала Эмили принцу. — Нарисовать на боку герб — и все дела.

— Постойте, — не выдержал Бреворт. — Машина принадлежит будапештскому отелю.

Эмили пропустила это мимо ушей.

— Жаньерка отлично справится, — задумчиво продолжила она.

Тут их прервали еще раз. Унылый оборванец, сидевший в углу, внезапно вскочил, порываясь броситься к двери, однако сосед замахнулся револьвером и огрел его рукояткой по голове. Первый пошатнулся и неминуемо рухнул бы на пол, однако был взят в охапку и возвращен на стул, где и остался сидеть в коматозном состоянии, роняя со лба тягучие капли крови.

— Мерзкий бюргер! Мерзкий, грязный шпион! — стиснув зубы, бросил Петрокобеско.

— А вот этого не надо, — резко оборвала его Эмили.

— Тогда почему до сих пор нет вестей? — прокричал он. — Или мы должны всю жизнь торчать в этом свиарнике?

Не обращая на него внимания, Эмили повернулась к Олив и завела светскую беседу о Нью-Йорке. Приносит ли заметные результаты сухой закон? Что нового в театрах?

Отвечая на ее вопросы, Олив пыталась привлечь внимание Бреворта. Чем раньше обозначить цель их приезда, тем скорее они смогут увезти отсюда Эмили.

— Можно тебя на пару слов, Эмили? — без обиняков потребовал Бреворт.

— А что такое? В настоящее время у нас нет другой комнаты.

Петрокобеско взволнованно обсуждал что-то с юношей в накидке, и Бреворт, воспользовавшись этим, торопливо заговорил, понизив голос:

— Эмили, твой отец стареет; ты нужна ему дома. Он просит тебя оставить эту безумную жизнь и вернуться в Америку. Сам он приехать не может, потому и обратился к нам — другие знают тебя не настолько близко, чтобы...

Она рассмеялась:

— Хочешь сказать — чтобы догадаться, на какие гнусности я способна?

— Вовсе нет, — поспешно вмешалась Олив. — Чтобы проявить о тебе заботу. Не могу передать, насколько мучительно нам видеть твои скитания.

— Но мы больше не скитаемся, — возразила Эмили. — Здесь родина Туту.

— Где твоя гордость, Эмили? — не выдержала Олив. — Известно ли тебе, что о той парижской истории трубили все газеты? Как по-твоему, что должны думать люди в Америке?

— Эта парижская история была просто возмутительна. — Эмили полыхнула синими глазами. — Кое-кто непременно поплатится за эту парижскую историю.

— Повсюду будет одно и то же. Ты начнешь опускаться все ниже и ниже, увязать в болоте и в один прекрасный день останешься...

— Прекрати, пожалуйста! — ледяным тоном одернула его Эмили. — Ты, по-моему, не отдаешь себе отчета...

Она умолкла, потому что в этот момент к ним вернулся Петрокобеско, бросился в свое кресло и закрыл лицо руками.

— Это невыносимо, — прошептал он. — Будь добра, пощупай мой пульс. Мне кажется, он учащен. У тебя в сумочке есть термометр?

На миг она сжала ему запястье.

— Все в порядке, Туту. — Она говорила с ним мягко, почти воркуя. — Расправь плечи. Будь мужчиной.

— Ладно.

Закинув ногу на ногу, он резко повернулся к Бреворту:

— Каков финансовый климат в Нью-Йорке?

Но у Бреворта не было желания продолжать эту нелепую игру. Слишком хорошо запомнился ему тот жуткий час, пережитый три года назад. Он был не из тех, кто позволяет одурачить себя дважды; стиснув зубы, он поднялся со своего места.

— Собирайся, Эмили, — жестко распорядился он. — Мы едем домой.

Эмили не шелохнулась; лицо ее приняло озадаченное, а потом и насмешливое выражение. Олив положила руку ей на плечо:

— Поедем, дорогая. Оставим позади этот кошмар.

— Мы ждем, — добавил Бреворт.

Вдруг Петрокобеско обратился к юноше в накидке; тот подскочил к Бреворту и схватил его за локоть. Бреворт в ярости оттолкнул его, и парень отступил, шаря у себя за поясом.

— Нет! — грозно выкрикнула Эмили.

И снова их прервали. Без стука распахнулась дверь, и ворвавшиеся в комнату двое плотно сбитых мужчин в сюртуках и атласных шляпах бросились к Петрокобеско. С радостными улыбками они похлопывали его по спине, тараторя на непонятном языке; вскоре он тоже ослабилась и стал похлопывать каждого по спине; они от души расцеловались; после этого Петрокобеско повернулся к Эмили и заговорил по-французски.

— Все в порядке, — взволнованно объявил он. — Даже дебатов не было. Я буду носить королевский титул.

С долгим вздохом Эмили откинулась назад; ее губы раскрылись в успокоенной, непринужденной улыбке.

— Чудесно, Туту. Вот теперь мы поженимся.

— О небо, как счастливей! — Сцепив пальцы, он в экстазе воздел лицо к облупленному потолку. — Как невероятно счастливей! — Рухнув на колени рядом с Эмили, он стал целовать ей запястье.

— Какой еще титул? — возмутился Бреворт. — Он что... он король?

— Да, он король. Правда, Туту? — Эмили нежно погладила его набриолиненные волосы, и Олив заметила у нее в глазах непривычный блеск.

— Я — твой супруг! — слезливо выкрикнул Туту. — Самый счастливый человек на земле.

— Его дядя до войны был принцем Чешско-Ганзейского княжества, — объяснила Эмили певучим от удовольствия голосом. — Потом в стране провозгласили республику, но крестьянская партия требовала перемен, а Туту оказался первым в очереди на престол. Но я отказывалась выйти за него замуж, пока он из принца не сделается королем.

Бреворт утер ладонью вспотевший лоб:

— Ты серьезно?

Эмили кивнула:

— Сегодня утром в Ассамблее состоялось голосование. И если вы одолжите нам свой шикарный автомобиль, мы сегодня же организуем торжественный въезд в столицу.

IV

Два с лишним года спустя мистер и миссис Бреворт Блэр с двумя детьми стояли на балконе лондонского отеля «Карлтон»; по мнению администрации отеля, с этой точки лучше всего было наблюдать за королевскими процессиями. О начале нынешней процессии возвестили фанфары на Стрэнде¹, и вскоре в конце улицы показался алый строй конных гвардейцев.

— Мапочка, — спрашивал мальчуган, — а правда, тетя Эмили — королева Англии?

— Нет, милый, она королева другой страны, совсем маленькой, но, когда бывает здесь, всегда ездит в королевской карете.

¹ *Стрэнд* — одна из главных улиц в западной части Центрального Лондона; проходит параллельно Темзе; славится своими отелями и театрами.

— Ого!

— Благодаря месторождениям магния, — сухо заметил Бреворт.

— Она сначала была принцессой, а потом стала королевой? — спросила девочка.

— Нет, солнышко, она была американской девушкой — и сразу стала королевой.

— А почему?

— Потому что на меньшее не соглашалась, — ответил ей отец. — Подумать только, она ведь когда-то могла стать моей женой. А ты что бы выбрала, малышка: выйти за меня замуж или стать королевой?

Девочка задумалась.

— Выйти за тебя замуж, — вежливо, но неуверенно ответила она.

— Довольно, Бреворт, — сказала ее мать. — Они уже едут.

— Я их вижу! — воскликнул мальчик.

Кавалькада двигалась по запруженной улице. За королевскими гвардейцами появились другие, следом — драгунская рота, эскорт мотоциклистов, и Олив невольно затаила дыхание, вцепившись в балконные перила: между двумя рядами дворцовой стражи ехали две величественные, пурпурные с золотом кареты. В первой сидели монархи в блеске позументов, крестов и звезд, а во второй — их супруги, одна старая, другая молодая. Над этим зрелищем витал ореол старой, подчинившей себе полмира империи, ее флота и празднеств, ее великолепия и символов, и толпа это чувствовала: впереди карет медленно катился гул, перерастающий в мощный, дружный рев приветствий. Королевы кланялись направо и налево; толпа знала историю второй королевы, но и ту горячо приветствовали. Очень скоро пышность и блеск промелькнули под балконом и скрылись из виду.

Олив отвернулась; в глазах у нее блеснули слезы.

— Неужели она довольна, Бреворт? Неужели она по-настоящему счастлива с этим кошмарным человечком?

— Она получила желаемое, ты согласна? А это что-нибудь да значит.

У Олив вырвался протяжный вздох:

— Ах, в ней столько прелести, столько прелести! Я всегда от нее таяла, даже когда злилась.

— Все это глупости, — сказал Бреворт.

— Да, наверное, — ответили губы Олив.

А сердце, окрыленное невольным обожанием, уже летело следом за ее кузиной в дворцовые ворота, до которых было всего полмили.

I

По традиции в самый жаркий день весны в клубе «Кокцидиан» устраивается капустник, и тот год не стал исключением. В гостиных вытянутого в длину старинного здания изнывали от жары две сотни врачей и студентов, и еще две сотни студентов толпились в дверях, преграждая путь любым дуновениям вечернего мэрилендского воздуха. Эти припозднившиеся посетители только краем уха слышали звуки увеселений, но исправно освежались напитками, которые им бойко передавали по цепочке из буфета. Укрывшийся в подвале швейцар гадал, как и каждый год, выдержат ли просевшие полы очередное испытание.

Из тех, кто присутствовал в зале, Билл Талливер менее других страдал от жары. Без особого повода он облачился в просторный балахон и прихватил с собой посох, притом что в капустнике у него был один-единственный номер: исполнение неиссякаемых рискованных куплетов, высмеивающих слабости и причуды профессуры медицинского факультета. Относительно непринужденно чувствуя себя на сцене, он свысока взирал на море разгоряченных лиц. Первый ряд занимали ведущие специалисты: профессор-офтальмолог Рафф, профессор-нейрохирург Лейн, профессор Джорджи, знаток желудочно-кишечных недугов, профессор Барнетт, алхимик терапии, а с краю, нимало

¹ Рассказ опубликован в журнале «The Saturday Evening Post» в ноябре 1932 г.

не смущаясь ручейками пота, стекавшими с высокого купола головы, — профессор Нортон, диагност от бога.

Подобно большинству студентов, Билл Талливер благоговел перед Нртоном и смотрел ему в рот, но не так, как остальные. Он преклонял перед профессором колени как перед великой животворящей силой. Биллу хотелось не просто снискать похвалу своего учителя, но припереть его к стенке. Увлеченный своей специальностью, он мечтал, что в июне придет в университетскую клинику, начнет работать не за страх, а за совесть в качестве интерна и приложит все силы к тому, чтобы в один прекрасный день его диагноз оказался правильным, а диагноз профессора Нортонa — ошибочным. То будет миг его освобождения: от арифмометра, от счетной машинки, от машины вероятности, от махины Франциска Ассизского.

Такие амбиции возникли у Билла Талливера не на пустом месте. Он являл собой пятое звено непрерывной цепочки врачей Биллов Талливеров, которые с большим успехом практиковали в этом городе. Минувшей зимой скончался его отец; стоило ли удивляться, что еще во чреве своей альма-матер последний отпрыск этой врачебной династии жаждал «самовыражения».

Факультетским куплетам, популярным с незапамятных времен, не было конца. Не остались без внимания ни кровожадность профессора Лейна, ни изобретательность профессора Брюна, мастера придумывать новые названия для им же изобретенных болезней, ни личные пристрастия профессора Шварца, ни семейные дразги профессора Гиллеспи. Профессор Нортон, один из самых уважаемых преподавателей, отделался легким испугом. Прозвучали и новые куплеты; некоторые из них Билл сочинил сам:

Герпес Зиглер, хмуря брови,
Вас в кутузку упечет,
Коль у вас случайно кровью
Гемофилик истечет.
Бум-тиди-бум-бум,

Тиди-бум-бум.
Три тыщи лет назад,
Три тыщи лет назад.

Наблюдая за профессором Зиглером, он заметил, как того перекосило под маской улыбки. Билл прикинул, сколько пройдет времени, прежде чем в куплетах продержит его самого, Билла Талливера, и, пока хор выводил припев, загодя сочинил четверостишие.

После капустника старшее поколение удалилось, на полу захлопали пивные лужи, и вечер утонул в традиционном разгуле. Но Билл, посерьезнев, переоделся в полотняный костюм, минут десять поглазел на происходящее и вышел из душного зала. На ступенях у входа толпились желающие глотнуть разреженного воздуха, а любители пения сгрудились на углу, вокруг фонарного столба. На другой стороне улицы темнела громада клиники, вокруг которой вращалась вся жизнь. Между платным стационаром имени Святого Михаила и бесплатной лечебницей имени Уорда поднималась полная луна.

Та девушка — она явно спешила — поравнялась с гуляками у фонарного столба в тот же миг, что и Билл. Одетая она была в темное платье и темную шляпку с мягкими полями; однако у Билла почему-то сложилось впечатление, будто одежда ее отличалась пусть не веселой расцветкой, но стильным фасоном. Все произошло в считанные мгновения: тот молодой человек — не имеющий отношения в великому братству, как сразу отметил Билл, — развернулся и буквально бросился к ней в объятия, как ребенок к матери.

Едва удержавшись на ногах, девушка испуганно вскрикнула, и вся компания засуетилась.

— Вы не пострадали?

— Нет-нет, — выдохнула она. — Наверное, он не в себе — даже не понял, что вцепился в девушку.

— Мы его сейчас оттащим в приемный покой — пусть-ка проглотит желудочный зонд, если сумеет.

Билл Талливер машинально зашагал рядом с девушкой.

— Вы точно не пострадали?

— Нет-нет, все в порядке.

Она не могла отдышаться; грудь ее, расточавшая извечные обещания, вздымалась, будто ловя последний в этом мире воздух.

— Вот влипла... и поделом... так мне и надо, — выдохнула девушка. — Я сразу поняла: студенты. Не нужно было сегодня идти этой дорогой.

Темные, заправленные за уши волосы доходили ей до плеч. Она неудержимо рассмеялась.

— Он был таким беспомощным, — выговорила она. — Бог свидетель, я повидала множество беспомощных мужчин... сотни... абсолютно беспомощных, но никогда не забуду, какое у него было выражение лица, когда он решил на меня... опереться.

Темные глаза сверкнули весельем, и Билл понял, что она вполне уверена в себе. Не отрывая от нее взгляда, он все больше убеждался в ее красоте и в конце концов, не связанный с нею ни единым словом, ни даже официальным знакомством, потянулся к ней всем сердцем, замороженный улыбкой, что изогнула ее губы и оживила щеки...

Все это заняло не более трех-четыре минут — ровно столько они шагали рядом, но лишь некоторое время спустя он осознал, сколь глубокое впечатление произвела на него незнакомка.

Они миновали похожий на собор административный корпус, и тут рядом с ними притормозил открытый кабриолет, из которого выскочил мужчина лет тридцати пяти. Девушка бросилась к нему.

— Говард! — воскликнула она в радостном возбуждении. — На меня тут покушались. Возле «Кокцидиана» было студенческое гулянье...

Мужчина резко развернулся в сторону Билла Талливера.

— Это один из тех? — угрожающе спросил он.

— Нет-нет, он ни при чем.

Билл его узнал: это был доктор Говард Дэрфи, блестящий молодой хирург, факультетский сердцеед и щеголь.

СОДЕРЖАНИЕ

Величество. <i>Перевод Е. Петровой</i>	5
Интерн. <i>Перевод Е. Петровой</i>	30
Шестеро и полдюжины. <i>Перевод Е. Петровой</i>	55
С чистого листа. <i>Перевод Е. Петровой</i>	74
Ледяной прием. <i>Перевод В. Дорогокупли</i>	93
Какая красивая пара! <i>Перевод В. Дорогокупли</i>	124
Станный приют. <i>Перевод В. Дорогокупли</i>	152
Согласно расписанию. <i>Перевод В. Дорогокупли</i>	172
Больше чем просто дом. <i>Перевод В. Дорогокупли</i>	200
Влюбленный эскимос. <i>Перевод В. Дорогокупли</i>	232
Гость со стороны невесты. <i>Перевод А. Глебовской</i>	256
Дитя отелей. <i>Перевод А. Глебовской</i>	279
Заграничное путешествие. <i>Перевод А. Глебовской</i>	305

ПРОБА ПЕРА

(1909—1917)

Перевод Е. Калявиной

Тайна закладной Рэймонда	337
Рид, на замену!	345
Долг чести	348
Комната за зелеными ставнями	352
Невезучий Санта-Клаус	358
Боль и Христианская наука	365
В погоне за герцогом	372
Тень лаврового венка	378
Испытание	389

Завоевание Америки (С точки зрения некоторых писателей)	397
Обычное дело. Роберт О'Хальник	400
Крошка Минни Маккლოსки. Рассказ для девочек	407
Старик-первопроходец. История освоения новых земель.	410
Дневник второкурсника	412
Повелитель кровососов. Рассказ о войне	414
Кочегар Седрик	416
Первый выход в свет (Одноактная пьеса)	420
Шпиль и Горгулья	433
Сентиментальность и слой румян	445
Последняя капля Кастальского ключа	464

Литературно-художественное издание

**ФРЭНСИС СКОТТ ФИЦДЖЕРАЛЬД
БОЛЬШЕ ЧЕМ ПРОСТО ДОМ**

Редактор Александр Гузман

Художественный редактор Валерий Гореликов

Технический редактор Татьяна Раткевич

Компьютерная верстка Екатерины Киселевой

Корректоры Лариса Ершова, Валентина Гончар

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 04.12.2017. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 21,15. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®

119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-АКБ-17497-03-R